

Фредерик Марриет

Пират

Фредерик Марриет

Пират

«Public Domain»

1836

Марриет Ф.

Пират / Ф. Марриет — «Public Domain», 1836

«Дело было в конце июня 1798 года: сердитые волны Бискайского залива понемногу утихали после шторма, столь же сильного, сколь и необычного в это время года. Они все еще продолжали тяжело колыхаться, и по временам ветер налетал беспокойными, яростными порывами, как будто желая возобновить борьбу стихий; однако каждая его попытка была все более слабой, и темные тучи, сбжавшиеся к началу бури, спешили теперь во все стороны, спасаясь от могучих лучей солнца, которое прорывалось сквозь их толщу лучезарным потоком света и тепла. Оно ниспосылало свои сверкающие лучи, которые глубоко вонзались в воды этого уголка Атлантического океана, куда мы сейчас перенесли; и за исключением одного лишь предмета, едва заметного, там расстилалась только необъятная ширь воды, ограниченная воображаемым небесным сводом. Мы сказали: за исключением одного предмета, ибо в центре этой картины, столь простой однако, и столь величественной, сложившейся из трех великих стихий, находился остаток четвертой стихии. Остаток, – потому что это был только корпус корабля, лишенный мачт и наполненный водой; надводная часть судна лишь иногда всплывала над волнами, когда кратковременный перерыв в их все еще яростном колебании возвращал судну способность держаться на поверхности. Но это случалось редко; вот сейчас он поглощен морем, которое бурлит, перекатываясь через его шкафут, а в следующее мгновение он вынырнул над волнами, и вода выливается из его боковых портов...»

© Марриет Ф., 1836
© Public Domain, 1836

Содержание

I. Бискайский залив	7
II. Холостяк	10
III. Шторм	15
IV. Течь	18
V. Старая дева	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фредерик Марриет

Пират

Источник текста: Пират / Пер. И. И. Ясинского и М. П. Игнатовой. В кн. Полное собрание сочинений капитана Марриэта. В 6 т. Том 6. – Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 1912. – 20 см.

І. Бискайский залив

Дело было в конце июня 1798 года: сердитые волны Бискайского залива понемногу утихали после шторма, столь же сильного, сколь и необычного в это время года. Они все еще продолжали тяжело колыхаться, и по временам ветер налетал беспокойными, яростными порывами, как будто желая возобновить борьбу стихий; однако каждая его попытка была все более слабой, и темные тучи, сбежавшиеся к началу бури, спешили теперь во все стороны, спасаясь от могучих лучей солнца, которое прорывалось сквозь их толщу лучезарным потоком света и тепла. Оно ниспосылало свои сверкающие лучи, которые глубоко вонзались в воды этого уголка Атлантического океана, куда мы сейчас перенеслись; и за исключением одного лишь предмета, едва заметного, там расстилалась только необъятная ширь воды, ограниченная воображаемым небесным сводом. Мы сказали: за исключением одного предмета, ибо в центре этой картины, столь простой однако, и столь величественной, сложившейся из трех великих стихий, находился остаток четвертой стихии. Остаток, – потому что это был только корпус корабля, лишенный мачт и наполненный водой; надводная часть судна лишь иногда всплывала над волнами, когда кратковременный перерыв в их все еще яростном колебании возвращал судну способность держаться на поверхности. Но это случалось редко; вот сейчас он поглощен морем, которое бурлит, перекачиваясь через его шкафут, а в следующее мгновение он вынырнул над волнами, и вода выливается из его боковых портов.

Сколько тысяч кораблей, сколько миллионов состояния было покинуто из-за невежества или страха и целиком предоставлено всепожирающей пучине океана! Какой огромный клад богатств погребен в его песках! Сколько сокровищ застряло в его скалах или продолжает висеть в его неизмеримой глубине, где сжатая вода по своей плотности равна тому, что она окружает! И эти сокровища так и останутся там, защищенные солью от гнили и разрушения, до конца вселенной и до нового водворения хаоса! А между тем, как бы ни было несметно нагромождение этих утрат, большая часть их вызвана незнанием одного из первых законов природы – закона удельного веса. Корабль, о котором мы упомянули, находился, по-видимому, в таком же отчаянном положении, как утопающий, который держится за одну лишь тонкую прядь веревки, но в действительности опасность погрузиться в находившуюся под ним пропасть грозила ему в гораздо меньшей степени, чем многим другим кораблям, которые как раз в это время горделиво неслись по морю, между тем как их пассажиры, забыв все свои страхи, только и думали, что о скором прибытии в гавань.

«Черкес», шедший из Нью-Орлеана, был красивый, отлично снаряженный корабль, с грузом, большая часть которого состояла из хлопка. Капитан был, в обычном смысле этого слова, хороший моряк; команда была набрана из крепких и способных матросов. Пересекая Атлантический океан, они встретили шторм, о котором мы уже говорили, и были загнаны в Бискайский залив, где, как мы вскоре расскажем подробнее, судно лишилось мачт, и в нем открылась течь, которую они не могли остановить, несмотря на все свои усилия. Вот прошло уже пять дней с тех пор, как перепуганная команда покинула корабль на двух своих шлюпках, одну из которых захлестнуло волной, так что все сидевшие в ней погибли; судьба другой была неизвестна.

Мы сказали, что команда покинула судно, но не утверждали, что с него ушли все живые существа. Если бы дело обстояло так, то мы не стали бы тратить время читателя на описание неодушевленных предметов. Наша задача – изображать жизнь, и эта жизнь все еще оставалась на расшатанном корабельном острове, покинутом на произвол океана. В камбузе «Черкеса», то есть в кухне, поставленной на палубе и, к счастью, так прочно прикрепленной, что она смогла выдержать напор бурных волн, находились три живых существа: мужчина, женщина и ребенок. Первые двое принадлежали к той низшей расе, которая с давних пор поставляла с берегов Африки работников, без устали трудящихся, но собирающих жатву не для себя; младенец,

прильнувший к груди женщины, был европейской крови. Он был бледен как смерть и тщетно пытался получить молоко от своей истощенной кормилицы, по черным щекам которой текли слезы, когда она по временам прижимала ребенка к своей груди и поворачивала его в сторону, противоположную ветру, чтобы защитить его от воды, брызгавшей на них при каждой новой волне. Равнодушная ко всему остальному, кроме вверенного ей малютки, она не произносила ни слова, хотя дрожала от холода, когда волны накрывали судно, и вода захлестывала ей колени. Холод и страх вызвали перемену в цвете ее лица, который приобрел теперь желтый или почти медно-красный оттенок.

Мужчина, ее спутник, сидел напротив нее на железном тагане, который прежде был источником тепла и света, теперь же служил лишь неудобной скамьей для промокшего и изнуренного бедняги. Он тоже безмолвствовал уже в течение многих часов; мускулы его лица ослабли, его толстые губы далеко выдались вперед от запавших щек, высокие скулы торчали, словно зачатки будущих рогов, глаза показывали почти одни только белки, и, по-видимому, он был еще более измучен, чем женщина, мысли которой были сосредоточены на ребенке, а не на самой себе. Тем не менее, чувства его еще не утратили своей пронизательности, несмотря на то, что способность действовать, казалось, была притуплена избытком страданий.

– Ох, горе мое! – слабо воскликнула негритянка после долгого молчания и в крайнем изнеможении откинула голову. Ее спутник ничего не ответил, но встал при звуке ее голоса, нагнулся вперед, немного раздвинул дверь и посмотрел в ту сторону, откуда дул ветер. Тяжелые брызги хлестнули в его стекловидные глаза и затмили ему зрение; он со стоном отпрянул на прежнее место.

– Ну что, Коко? – спросила негритянка, склонив голову над ребенком и закутывая его более тщательно. Взгляд отчаяния и дрожь от холода и голода были ей единственным ответом.

Было около восьми часов утра, когда волнение океана несколько улеглось. К полудню солнце согревало их сквозь обшивку камбуза, и его лучи вливали узкую полоску яркого света сквозь щели пригнанных панелей. Негр, по-видимому, мало-помалу оживлялся; наконец он поднялся, и после некоторого труда ему удалось снова отодвинуть дверь. Море постепенно переставало бушевать и теперь лишь изредка захлестывало корабль. Осторожно держась за косяки, Коко выбрался наружу, чтобы обозреть горизонт.

– Что ты видишь, Коко? – спросила женщина, заметив из камбуза, что он пристально смотрит в одну сторону.

– Помоги Господь, мне кажется, я вижу что-то, но у меня столько соленой воды в глазах, что я не могу видеть ясно, – ответил Коко, стирая соль, осевшую кристаллами на его лице.

– А на что оно похоже, Коко?

– Всего лишь маленькое облако, – промолвил он, входя снова в камбуз и с тяжелым вздохом занимая прежнее место на тагане.

– Ох, горе мое! – вскрикнула негритянка, развернув ребенка, чтобы посмотреть на него; силы ее быстро падали. – Бедный маленький масса Эдуард, как он плохо вы глядит! Я боюсь, он очень скоро умрет. Гляди, Коко, он перестал дышать.

Голова ребенка отвисла на грудь кормилицы, и жизнь, по-видимому, совершенно угасла в нем.

– Джуди, у тебя нет молока ребенку, а без молока как он сможет жить? Э! Погоди-ка, Джуди, я засуну свой палец ему в рот. Если масса Эдуард не мертвый, он будет его сосать.

Коко вложил свой палец в рот ребенку и почувствовал легкое всасывающее движение.

– Джуди, – закричал Коко, – масса Эдуард еще не мертвый! Посмотри, может быть есть хоть капля молока в другой груди.

Бедная Джуди горестно покачала головой, и слеза покатила по ее щеке; она знала, что грудь ее истощена.

– Коко, – сказала она, вытирая щеку кистью руки, – я бы рада отдать кровь от сердца для масса Эдуарда, но нет молока., не осталось.

Это сильное выражение любви к ребенку, употребленное Джуди, внушило Коко новую мысль. Он достал из кармана нож и преспокойно надрезал себе указательный палец до самой кости. Выступившая кровь стала стекать на конец пальца, который он вложил в рот ребенка.

– Гляди-ка, Джуди, масса Эдуард сосет – он не мертвый! – закричал Коко, хихикнув на радостях, что опыт так счастливо удался, и на мгновение забыл об их почти безнадежном положении.

Ребенок, оживленный этим своеобразным питанием, постепенно восстанавливал свои силы и через несколько минут он сосал палец уже довольно энергично.

– Посмотри-ка, Джуди, как масса Эдуард охотно берет, – продолжал Коко. – Тяни, масса Эдуард, тяни. – У Коко десять пальцев, и пройдет еще долго времени, чтобы ты их все высосал досуха.

Но ребенок вскоре наелся и заснул на руках у Джуди.

– Коко, а не взглянуть ли тебе опять? – заметила Джуди.

Негр снова выбрался наружу и окинул взглядом горизонт.

– Помоги Господь, на этот раз мне кажется, Джуди... Да, помоги мне, Господи, я вижу корабль! – радостно закричал Коко.

– Ах! – слабо, но с восторгом взвизгнула Джуди. – Значит, масса Эдуард не умрет.

– Да, помоги мне Господь, он плывет сюда! – и Коко, к которому, кажется, вернулась часть его прежней силы и подвижности, вскарабкался на крышу камбуза и уселся там, скрестив ноги и размахивая своим желтым платком в надежде привлечь этим внимание находящихся на борту, так как он знал, что плывущий предмет, который представлял из себя их судно, лишь едва виднеется над поверхностью воды, и очень легко мог остаться незамеченным.

По счастливой случайности фрегат, каким оказался увиденный Коко корабль, продолжал свой курс как раз по направлению к затопленному обломку, хотя последний и не был замечен вахтенными на марсах – их глаза были устремлены на линию горизонта. Меньше, чем через час новая опасность начала угрожать нашему маленькому обществу – опасность попасть под фрегат, который, находясь теперь от них на расстоянии кабельтова, продолжал свой быстрый и стремительный путь, рассекая встречную воду и широко вспенивая ее. Коко стал кричать во всю мочь и, к счастью, привлек внимание матросов, которые находились на бушприте, убирая фок-стенгга стаксель, поднятый для просушки после шторма.

– Право руля! – заорали они.

– Право руля есть, – ответили на шканцах, и штурвал был повернут без дальнейших расспросов, как это всегда бывает на военных кораблях, хотя в то же время следовало бы соблюдать некоторую предосторожность при исполнении подобного распоряжения, когда оно не облечено последующими и притом самыми подробными разъяснениями.

Марс-лисель трепетал и колебался, фок-зейль вздрагивал, а кливер вздулся, когда фрегат свернул в сторону, едва не врезавшись в полузатопленный остов, который находился теперь как раз около его носа, неистово качаясь в белой пене взбаламученных волн, так что Коко лишь с трудом, вцепившись в остаток грот-мачты, сумел сохранить свою возвышенную позицию. Фрегат укоротил паруса лег в дрейф и спустил баркас, и через каких-нибудь пять минут Коко, Джуди и дитя были вызволены из их страшного положения. Бедная Джуди, которая боролась со всеми невзгодами ради ребенка, передала его спасшему их офицеру, а сама повалилась без чувств; так и была она перевезена на борт фрегата. Коко, заняв место на скамье на корме шлюпки, посмотрел вокруг себя диким взглядом, а затем разразился сумасшедшим хохотом, который продолжался без перерыва и был единственным ответом на вопросы, заданные ему на шканцах, пока он не упал в обморок, после чего его предоставили заботам врача.

II. Холостяк

Вечером того же дня, когда ребенок и чета негров были спасены с корабельного обломка, благодаря счастливому появлению фрегата, мистер Уизрингтон, живший в Финсбери Сквер, сидел один в своей столовой, недоумевая, чтобы такое могло приключиться с «Черкесом», и почему он до сих пор не получил известия о его прибытии? Мистер Уизрингтон, как мы сказали, был один; перед ним стояли портвейн и херес. И хотя погода была довольно теплая, однако в камине был разведен небольшой огонь, потому что, как утверждал мистер Уизрингтон, это придавало комнате больше комфорта. Мистер Уизрингтон, посвятив некоторое время созерцанию потолка, на котором, впрочем, нельзя было обнаружить ничего нового, налил себе еще стакан вина, а затем начал располагаться с еще большим комфортом: для этого он расстегнул еще три пуговицы своего жилета, сдвинул с головы парик и освободил все пуговицы на коленях своих панталон. Закончил он свои приготовления тем, что придвинул к себе два ближайших стула и на один из них положил ноги, а на другой облокотился рукой. Да и Почему же мистеру Уизрингтону не окружать себя комфортом? У него было хорошее здоровье, спокойная совесть и восемь тысяч фунтов годового дохода.

Удовлетворенный этими приготовлениями, мистер Уизрингтон отхлебнул портвейна и снова, поставив стакан, откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди, переплел пальцы и в этой позе полного комфорта возобновил свои размышления о причинах неприбытия «Черкеса».

Мы оставим его наедине с его мыслями, чтобы тем временем более подробно познакомиться с ним наших читателей.

Отец мистера Уизрингтона был младшим сыном одной из самых старинных и гордых семей Уэст-Райдинга в Йоркшире; он должен был выбрать одну из четырех профессий, предназначенных в удел младшим сыновьям, в чьих жилах течет патрицианская кровь: армию, флот, законоведение или церковь. Армия ему была не по душе, заявил он, потому что маршировки и контр-маршировки не давали комфорта; флот был ему не по душе, потому что какого же комфорта можно ждать от штормов и от затхлых сухарей; юриспруденция была ему не по душе, так как он не был уверен, что поладит со своей совестью, а это было несовместимо с комфортом; церковь тоже была отвергнута, потому что, по его представлениям, на этом поприще можно было получить лишь убогое жалованье, тяжелые обязанности, жену и одиннадцать детей, а это значило – опять же распротиться с комфортом. К немалому ужасу своих родственников, он отказался от всех этих свободных профессий и ухватился за предложение старого дядюшки-отщепенца, который предоставил ему место в своем банкирском доме и обещал сделать его своим компаньоном, если он выслужится. Это привело к тому, что родня с негодованием пожелала ему счастливого пути и больше никогда о нем не вспоминала. Он с этих пор стал отрезанным ломтем, каким была бы в их глазах какая-нибудь представительница женской линии, если бы она со вершила faux pas.

Тем не менее, мистер Уизрингтон старший прилежно занялся избранным делом: через несколько лет он стал компаньоном, а после смерти старого джентльмена, своего дядюшки, оказался собственником изрядного состояния, продолжающим каждый год чеканить деньги в своем банке.

Тогда мистер Уизрингтон старший купил дом в Финсбери Сквер и подумал, что недурно бы приискать себе жену.

Сохраняя еще значительную долю семейной гордости, он решил не загрязнять кровь Уизрингтонов неравным браком с какой-нибудь представительницей Катитон-Стрит или Минсинг-Лэжн, и после изрядных поисков он избрал дочь шотландского графа, который приплыл на шмаке из Лейса в Лондон, сопровождаемый свитой из девяти дев, рассчитывая променять

породу на деньги. Судьбе было угодно, чтобы мистер Уизрингтон оказался первым явившимся искателем, и ему, из любезности, предоставили на выбор любую из девяти молодых леди. Избранница его была светлокудрая, синеокая, слегка в веснушках, очень высокая и отнюдь не некрасивая. В фамильной Библии она была записана под номером 4. От этого союза у мистера Уизрингтона появилось потомство: во-первых, дочь, нареченная Могги, которую мы скоро представим нашим читателям в образе сорокалетней девы; во-вторых, сын, Антоний Александр Уизрингтон, которого мы только что покинули, сидящего в очень удобной позе и погруженного в очень мрачную задумчивость.

Мистер Уизрингтон старший уговорил своего сына поступить в банкирский дом в качестве сотрудника, и тот, как исполнительный сын, каждый день ходил в банк. Кроме этого он ничем не занимался, сделав лишь счастливое открытие, что «его отец родился раньше его», или, другими словами, что у его отца уйма денег, которую он вынужден будет оставить ему в наследство.

Так как мистер Уизрингтон старший всегда заботился о комфорте, то и сын его с юных лет перенял те же привычки, и в этом отношении его взгляды пошли даже гораздо дальше – он подразделял все вещи на комфортабельные и некомфортабельные. В один прекрасный день леди Мэри Уизрингтон, оплатив все хозяйственные счета, заплатила свой счет и природе, то есть умерла. Ее супруг заплатил по счету гробовщику, а на основании этого можно утверждать, что она была похоронена.

Вскоре после того мистер Уизрингтон старший получил апоплексический удар, свалившийся его с ног. Смерть, которая не знает чувства чести, добила его лежачего. И мистер Уизрингтон, пролежав несколько дней в постели, вторым ударом был положен в тот же склеп, где покоилась леди Мэри Уизрингтон. А мистер Уизрингтон младший (наш мистер Уизрингтон), выделив 40000 фунтов на долю своей сестры, стал обладателем чистых 8000 фунтов годового дохода и великолепного дома в Финсбери Сквер. Мистер Уизрингтон рассудил, что такой доход достаточен для комфорта, и поэтому можно вовсе отстраниться от дел.

Еще при жизни родителей он был свидетелем одной или двух семейных сцен, и это побудило его отнести брачную жизнь к разряду вещей некомфортабельных; вот почему он остался холостяком.

Его сестра Могги тоже сохранила безбрачие – вследствие ли чрезвычайно необаятельного косоглазия, которое отпугивало поклонников, или вследствие того же нерасположения к брачной жизни, которым отличался ее брат, – этого мы не можем определенно сказать. Мистер Уизрингтон был на три года моложе сестры, и если он с некоторого времени начал носить парик, то исключительно потому, что в этом видел больше комфорта. Все личные качества мистера Уизрингтона можно было выразить двумя словами: эксцентричность и благодушие. Эксцентричным он был как, безусловно, и большинство холостяков. Мужчина остается лишь шероховатым булыжником, если не обтачивать его соприкосновением с более нежной половиной человеческого рода; просто диву даешься, как это дамы умеют до такой степени гладко отшлифовать мужчину, что он может без конца катиться кувырком вместе с прочими своими собратьями, задевая, но не царапая своих соседей, когда мощная волна житейских обстоятельств столкнет его с ними.

Мистер Уизрингтон очнулся от глубокой задумчивости и ошупью отыскал шнурок, привязанный к рукоятке звонка; дворецкий, уходя из столовой, должен был каждый раз прикреплять этот шнурок к ручке кресла, в котором сидел барин, ибо, как справедливо заметил мистер Уизрингтон, комфорт был бы нарушен, если бы приходилось вставать, чтобы дернуть звонок. Не раз мистер Уизрингтон принимался даже взвешивать, насколько удобно или неудобно было бы иметь дочь лет восьми, которая могла бы звонком вызывать слугу, просушивать перед камином газеты и разрезать страницы нового журнала.

Но когда он принял во внимание, что она не могла бы оставаться вечно в этом возрасте, то решил, что весы комфорта против нее.

Мистер Уизрингтон, дернув звонок, снова задумался.

Мистер Джонатан, дворецкий, явился на зов, но, заметив, что барин занят, он тотчас же остановился в дверях, встав навтыжку, и с таким печальным лицом, как будто он исполнял обязанности факельщика у подъезда какого-нибудь скончавшегося пэра королевства, ибо всем известно, что чем выше сан умершего, тем длиннее должно быть лицо и тем, разумеется, лучше будет плата.

Теперь, пока мистер Уизрингтон продолжает свои глубокие думы, а мистер Джонатан будет стоять на месте так же долго, как уставшая лошадь, мы их оставим в покое, и тем временем изложим читателям краткую биографию последнего. Сначала Джонатан Трапп служил в этом доме подручным мальчиком, причем скромная должность его заключалась в том, что он для приобретения опыта в работе получал от старших слуг quantum sufficium пинков ногами; затем он стал лакеем, то есть ему было пожалована утешительная привилегия раздавать, а не получать вышеупомянутые унижительные пинки; и, наконец, – ибо семейный обычай не допускал дальнейшего повышения, – он был удостоин должности дворецкого на службе у мистера Уизрингтона старшего. Тогда Джонатан влюбился, так как дворецкие подвержены тем же слабостям, что и их господа; ни он, ни его зазнобушка, служившая горничной в другом доме, не приняли в расчет последствий, к каким в иных семьях приводит подобная ошибка. Они, вместо того, попросили расчета и обвенчались.

Подобно большинству сочетавшихся браком дворецких и горничных, они открыли питейное заведение, однако справедливость по отношению к горничной побуждает нас сказать, что она предпочла бы открыть кухмистерскую, но Джонатан склонил ее на свою сторону, сославшись на то, что если люди готовы пить, не испытывая жажды, то они не станут есть, пока не проголодаются.

Но хотя в этом замечании была доля правды, однако достоверно известно, что предприятие это не процветало; ходили слухи, что высокая, тощая, сухопарая фигура Джонатана причиняла ущерб его торговле, ибо люди слишком склонны судить о доброкачественности эля по багровому лицу и грузной комплекции трактирщика, а поэтому они предполагают, что хорошего пива не получишь там, где хозяин прилавка представляет собой олицетворение голода. Действительно, в этом мире очень многое строится на внешности, и, по-видимому, Джонатан, из-за своей мертвенной бледности, очень скоро появился в газете¹. Но то, что разорило Джонатана на одном поприще деятельности, тотчас же предоставило ему место на другом. Оценщик, мебелировщик и устроитель похоронных процессий, приглашенный для оценки обстановки, окинул взглядом Джонатана и, зная цену его отменно гробовой внешности и имея сводного брата такого же роста, сейчас же предложил ему место факельщика. Джонатан не имел времени оплакивать потерю своих собственных нескольких сотен, когда ему пришлось по обязанности оплакивать потерю чужих тысяч; и когда он, словно каменное изваяние, стоял у подъезда тех, что вошли в подъезд иного мира, его прямая, как палка, фигура и вытянутое скорбное лицо слишком часто были злой насмешкой над скорбью наследников. Даже скорбь в этом торгашеском мире тогда только и хороша, когда за нее уплачено. Джонатан похоронил многих и, наконец, похоронил свою жену. До сих пор все шло хорошо; но вот он похоронил и своего хозяина, устроителя погребальных процессий, что было вовсе нежелательно. Джонатан не плакал, но зато на лице его была изображена безмолвная скорбь, когда он провожал его к месту вечного упокоения, и он почтил его память кружкой портера, возвращаясь с похорон на верхушке траурной колесницы, где он восседал вместе с товарищами, точно стая черных воронов.

¹ Т. е., в списке банкротов.

Теперь Джонатан остался без заработка по той именно причине, которая большинству показалась бы наилучшей рекомендацией. Все устроители похоронных процессий отказывались взять его на службу, потому что они не могли *найти ему равного*. Столь затруднительное положение натолкнуло Джонатана на мысль о мистере Уизрингтоне младшем; ведь он служил мистеру Уизрингтону, его папаше и похоронил его так же, как леди Мэри, его мамашу. Он чувствовал, что такое разнообразие прошлых заслуг дает ему право рассчитывать на многое, и обратился к холостяку с соответствующим ходатайством. К счастью для Джонатана, тогдашний дворецкий мистера Уизрингтона как раз в это время собрался совершить ту же опрометчивость, которую раньше совершил Джонатан, и Джонатан, вернувшись опять на старое место, решил вести прежнюю скромную жизнь и никогда больше не путаться с горничными. Но по привычке Джонатан продолжал держаться как факельщик во всех обстоятельствах – он никогда не проявлял даже оттенка веселости, за исключением тех случаев, когда барин его был особенно оживлен. Впрочем, и тогда он отражал настроение барина скорее по чувству долга, чем вследствие действительной склонности радоваться.

Джонатан был довольно учен для своего общественного положения и за время своей похоронной службы усвоил английский перевод всех латинских изречений, помещаемых на траурных гербах знатных особ; он всегда готов был изречь любое из них, если оно казалось ему подходящим к данному случаю.

Мы оставили Джонатана стоящим около двери, которую он закрыл за собой, но продолжал держаться за ее ручку.

– Джонатан, – промолвил мистер Уизрингтон после долгого молчания, – я хочу взглянуть еще раз на последнее письмо из Нью-Йорка; вы найдете его на моем туалетном столе.

Джонатан, не ответив, вышел из комнаты и вскоре вернулся с письмом.

– Уж сколько времени я поджидаю этот корабль, Джонатан, – заметил мистер Уизрингтон, развертывая письмо.

– Да, сэръ, времени прошло много; *tempus fugit*, – ответил дворецкий тихим голосом, полузакрыв глаза.

– Дай-то Бог, чтобы не случилось несчастья, – продолжал мистер Уизрингтон. – Бедная моя кузина и ее близнецы-малютки! Почему знать, вот я говорю о них, а они все теперь, может быть, лежат на дне моря.

– Да, сэръ, – ответил дворецкий, – море у многих добросовестных гробовщиков отнимает их заработок.

– Клянусь кровью Уизрингтонов! Неужели я останусь без наследника, и мне придется жениться? Ведь это очень некомфортабельно.

– Какой уж тут комфорт, – как эхо откликнулся Джонатан, – моя жена тоже умерла. *In coelo quies*.

– Ну, будем надеяться на лучшее. Однако эта неизвестность чрезвычайно нарушает комфорт, – заметил мистер Уизрингтон, просматривая письмо, по крайней мере в двадцатый раз.

– Больше ничего, Джонатан. Вскоре я позвоню, чтобы подавали кофе, – и мистер Уизрингтон опять остался один и устремил взгляд на потолок.

Отдаленная кухня мистера Уизрингтона, пользовавшаяся его особым расположением (ибо мистер Уизрингтон, имея большое состояние и не имея никакого отношения к торговым делам, не был забыт родственниками), – до известной степени скомпрометировала себя; другими словами, вопреки наставлениям родителей, она полюбила молодого лейтенанта с несомненно почтенной родословной и с совершенно непочтенным состоянием, заключавшемся только в офицерском жаловании. Бедные люди, к сожалению, всегда успешнее в любви, чем богатые, потому что, имея меньше забот и не кичась своим положением, они не так эгоистичны, и гораздо больше думают о своей даме, нежели о себе. Молодые девушки, влюбляясь, тоже никогда не берут в расчет, хватит ли денег на то, чтобы «сварить суп», потому, вероятно, что

влюбленные молодые люди теряют свой аппетит и, не чувствуя в этот период голода, воображают, что любовь вечно будет заменять им пищу. Ну-ка, пусть замужние леди скажут сами, правы ли мы, утверждая, что хотя закуска, предложенная им и их друзьям в день свадьбы, вызывает в них чуть ли не отвращение, однако вскоре после того аппетит их возвращается да еще и с процентами. Именно так было и с Цецилией Уизрингтон или, вернее, с Цецилией Темпльмор, так как она накануне свадьбы успела переменить фамилию. Так было и с ее супругом, который всегда обладал хорошим аппетитом, даже в дни своего сватовства; и счет заведующего столом (они поселились в бараках) через несколько недель возрос до тревожных размеров. Цецилия обратилась к своим родным, которые ласково ответили ей, что она может умирать с голоду, но так как подобный совет не пришелся по душе ни ей, ни ее мужу, то она послала письмо к своему кузену Антонию, который ответил ей, что он будет очень рад видеть их у себя за столом, и что они должны переселиться к нему в Финсбери Сквер. Это как раз отвечало их желаниям, но тем не менее оставалось еще преодолеть некоторое затруднение: полк лейтенанта Темпльмора квартировал в одном из йоркширских городов, значит, как ни как, но на каком-то, хоть и небольшом, расстоянии от Финсбери Сквер, и присутствовать за обедом у мистера Уизрингтона в шесть часов пополудни, тогда, когда надо было ежедневно являться на парад в девять часов утра, значило решить невозможную дилемму. Обменялись несколькими письмами по поводу этого запутанного вопроса и, наконец, решили, что мистер Темпльмор выйдет в отставку и переедет к мистеру Уизрингтону вместе со своей хорошенькой женой. Он так и поступил и нашел, что в девять часов утра гораздо приятнее являться к хорошему завтраку, чем на военный парад. Но мистер Темпльмор отличался гордостью и независимостью характера, не позволяющими ему питаться хлебом праздности, и, прожив два месяца в чрезвычайно комфортабельном помещении, где ему не угрожал счет за пользование столовым довольствием, он напрямик изложил свои мысли мистеру Уизрингтону и обратился к нему за помощью в нахождении честного заработка. Мистер Уизрингтон, успевший привязаться к ним обоим, хотел было воспротивиться, сославшись на то, что Цецилия его родная кузина, и что он убежденный холостяк, но мистер Темпльмор твердо стоял на своем, и мистер Уизрингтон весьма нехотя согласился. Один из первоклассных торговых домов подыскивал компаньона для надзора за товарами, отправляемыми в Америку. Мистер Уизрингтон внес требуемую сумму, и через несколько недель мистер и миссис Темпльмор отплыли в Нью-Йорк.

Мистер Темпльмор был деятелен и способен; их дела преуспевали, и по прошествии нескольких лет они могли бы уже надеяться на возвращение в родные края с независимым состоянием. Но осенью, на второй год после их прибытия, разразилась эпидемия – свирепствовала желтая лихорадка; в число тысяч жертв попал и мистер Темпльмор – через каких-нибудь три недели после того, как жена его родила близнецов. Миссис Темпльмор встала с постели вдовой и матерью двух милых мальчиков. На должность покойного мистера Темпльмора торговым учреждением был прислан заместитель, а мистер Уизрингтон снова предложил своей кузине приют, в котором она так нуждалась после столь горестной и неожиданной утраты. В три месяца дела ее были устроены, и миссис Темпльмор со своими малютками, сосавшими грудь двух кормилиц негритянок, и в сопровождении слуги Коко (белые ни за что не соглашались путешествовать одни) отправилась на надежном корабле «Черкес» в Ливерпуль.

III. Шторм

Те, кто стоя на пристани, видели гордую осанку «Черкеса», когда он распустил по ветру паруса, никак не предугадывали его судьбы, а те, что находились на борту, и подавно, ибо уверенность есть характерное отличие моряков, и они одарены счастливой способностью внушать эту уверенность всем, кто попадает в их общество.

Мы не станем говорить о подробностях плавания, ограничившись только описанием кораблекрушения.

Среди свежего норд-веста, который продолжался уже три дня и загнал «Черкеса» в Бискайский залив, стало заметно, около полуночи, легкое затишье. Капитан, оставшийся на палубе, послал вниз за своим старшим помощником.

– Освальд, – сказал капитан Ингрэм, – ветер становится слабее, и я думаю, еще до утра можно будет считать, что всякая опасность миновала. Я прилягу на час или на два, а вы позовите меня, если наступит перемена.

Освальд Барес, высокий, жилистый и красивый представитель заатлантической породы, обозрел весь горизонт, прежде чем ответить. Наконец, глаза его стали зорко вглядываться в подветренную сторону.

– Думаю, что нет, сэр, – промолвил он, – я не вижу, чтоб прояснилось в подветренной стороне; это затишье только для отдыха, непогода хочет набраться свежих сил для раздувания мехов, уверяю вас.

– Да уж три дня, как она продолжается, – ответил капитан Ингрэм, – а это обычный век летнего свежего ветра.

– Да, – возразил помощник, – если только он не задует снова черным шквалом. Мне он что-то подозрителен, и он еще возобновится, это так же верно, как то, что в Виргинии водятся змеи.

– Ну, коли так, пусть так, – беспечно ответил капитан. – Будьте внимательны, Барес, не покидайте палубы; если надо будет позвать меня, пошлите матроса.

Капитан спустился в свою каюту. Освальд взглянул на компас в нактоузе, сказал несколько слов рулевому, дал два-три здоровенных пинка в бок рабочим, которые конопатили палубу, промерил лотом льяло, сунул за щеку новую жвачку табака, и наконец, стал вглядываться в небеса. Туча, значительно более темная и низкая, чем другие, которыми был закрыт небосклон, распростерлась на зените и протянулась до самого горизонта на подветренной стороне. Глаза Освальда следили за ней всего лишь несколько секунд, когда он заметил слабую и мимолетную вспышку молнии, пронзившей самую густую часть тучи; потом новая вспышка, более яркая. Внезапно ветер стих, и «Черкес» выпрямил свой крен. Но вскоре ветер снова завыл, и снова корабль был пригнут его напором до грузовой ватерлинии; опять блеснула молния, за которой последовали отдаленные раскаты грома.

– Всякая опасность миновала, говорите вы, капитан? По-моему, так главная опасность еще впереди, – пробормотал Освальд, продолжая следить за небом.

– Как обстоит дело с рулем, Матью? – осведомился Освальд, пройдя на корму.

– Держу руль на ветер.

– Я во всяком случае уберу этот трайсель, – продолжал помощник. – Идите на юг, ребята! Отдайте трайсель. Держите парус покрепче, пока не спустится совсем, а то он хлестнет так, что насмерть перепугает нашу пассажирку. Вот уж никогда не стану брать на борт женщин, если будет у меня судно. Никакие доллары не соблазнят меня.

Молния заиграла быстрыми зигзагами, и сильный гром, следовавший за ней, на этот раз раздался уж очень зычно и притом совсем близко. Косой ливень хлынул как из ведра; ветер

снова затих, снова забушевал, опять затих, изменился на один или два румба и стал трепать мокрые, отяжелевшие паруса.

– Ставь руль на ветер, Матью! – крикнул Освальд, когда сверкнувшая вблизи молния на мгновение ослепила находившихся на палубе, а загрохотавший тотчас же гром оглушил их. Опять сильно подул ветер, замер, и наступило мертвое затишье. Паруса повисли на реях, и дождь падал отвесным потоком, между тем как корабль покачивался на морской хляби, а темнота вдруг так сгустилась, что ни зги не было видно.

– Сбегай кто-нибудь вниз! Позвать капитана! – распорядился Освальд. – Помилуй, Господи! Видно, не так-то легко мы отделаемся. Берись за грот-брасы, ребята, и ставь реи поперек. Живо! Этот марсель следовало бы убрать, – продолжал помощник, – но я не капитан. Бросать реи, ребята! – продолжал он. – Живее, живее! Тут вам уже не игрушки!

Вследствие крайней трудности отыскивать и передавать из рук в руки тросы среди такого непроницаемого мрака, да еще под потоком ливня, слепившего им глаза, матросы не могли с надлежащей быстротой выполнить приказание помощника капитана, и прежде чем они успели закончить свою работу, прежде чем капитан Ингрэм успел добраться до палубы, ветер вдруг налетел на обреченный корабль со стороны, прямо противоположной той, откуда он дул все предыдущее время. Судно, застигнутое врасплох, опрокинулось на бок, стойком на бимсы. Рулевого перебросило через штурвал, тогда как остальные, находившиеся с Освальдом у грот-мачты, скатились вместе со связками канатов и другими предметами, не принайтовленными на палубе, в шпигаты, тщетно стараясь выпутаться из этой беспорядочной кучи и выбраться из воды, в которой они барахтались. Внезапный толчок разбудил всех, находящихся внизу, и они, вообразив, что судно идет ко дну, хлынули на палубу через единственный незапертый люк, таща в руках свое верхнее платье, чтобы надеть его, если судьба позволит.

Освальд Барес первым выкарабкался с накренившейся стороны. Добравшись до штурвала, он налег на колесо, устанавливая руль на ветер. Капитан Ингрэм и некоторые из матросов тоже приблизились к штурвалу.

В минуты подобной крайней опасности штурвал – сборный пункт всех хороших моряков, но рев ветра, бьющие в глаза потоки дождя и соленые брызги, волны, прегражденные в своем течении переменой ветра и сталкивавшиеся над кораблем огромными водяными буграми, потрясающие раскаты грома и, в довершение этих ужасов, густая мгла, не говоря уже о наклонном положении судна, заставлявшем их ползком перебираться с одного места палубы на другое, – все это долго мешало им хоть о чем-нибудь договориться. Единственным другом их в этой борьбе со стихией была молния (поистине несчастны должны быть обстоятельства, при которых молнию можно приветствовать, как друга), однако ее быстрые, пламенные зигзаги, мелькавшие по всему горизонту, давали им возможность видеть свое положение, и как оно ни было страшно, все не так, как полный мрак и неизвестность. Для того, кто привык к трудностям и опасностям мореплавания, нет строк, более сильно действующих на воображение или показывающих красоту и мощь греческого певца, чем отрывок из благородной молитвы Аякса:

Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака Данаев!

Дню возврати его ясность, дай нам видеть очами.

И при свете губи нас, когда погубить ты желаешь!

Освальд поручил штурвал двум матросам и ножом освободил топоры, висевшие у бизань-мачты в футлярах из крашеной парусины. Один топор он оставил себе, а другие передал боцману и второму помощнику капитана. При неистовом реве ветра говорить и быть услышанным было невозможно; но фонарь еще продолжал гореть в нактоузе, и при его слабом свете капитан Ингрэм мог различить знаки, делаемые помощником, и дать свое согласие. Необходимо было поставить корабль на фордевинд, но он уже не слушался руля. В короткое время

талрепы бизань-такелажа были перерублены, и бизань-мачта перевалилась через борт, почти незамеченная теми, что находились на других частях палубы. Да и те, что были рядом, могли бы ничего не заметить, если бы не задевшие ближайших из них удары стеньговых полотниц и такелажа мачты.

Освальд со своими спутниками добрался до нактоуза и некоторое время наблюдал по компасу. Судно не поворачивалось на другой галс и, по-видимому, накренилось еще больше. Снова Освальд стал делать знаки, и снова капитан дал свое согласие. Неустрашимый помощник, держась за борт и за кафед-нагели, ринулся вперед, сопровождаемый своими отважными товарищами, и вскоре все трое добрались до грот-рунсена. Здесь им пришлось работать в условиях крайне трудных и опасных, так как разъяренные волны того и гляди могли сбросить их, а толстые веревки лишь медленно поддавались ударам топоров, которыми надо было действовать чуть ли не под водой. Боцмана смыло волной и отбросило через борт вниз, к подветренной стороне, где только подветренные снасти спасли его от смерти в волнах. Не признавая себя побежденным, он вскарабкался наверх против ветра, присоединился к товарищам и продолжал им помогать. Последний удар был нанесен Освальдом – талрепы выскользнули из гоферсов – и высокая мачта исчезла в пене взбаламученных волн. Освальд и его товарищи поспешили покинуть опасное место и присоединились к капитану, который с большинством членов команды все еще оставался у руля. Теперь корабль медленно повернулся на другой галс и выпрямился. Через несколько минут он помчался по ветру, тяжело качаясь и натываясь по временам на обломки мачт, которые он тащил за собой на перерубленных с подветренной стороны снастях.

Ветер продолжал дуть с прежней силой, но благодаря тому, что корабль, лишившись задних мачт, повернулся к нему кормой, не было прежнего пронзительного шума. Ближайшей задачей было освободить судно от остатков мачт, но несмотря на то, что теперь все принялись помогать, команда почти ничего не успела сделать до наступления рассвета, да и тогда эта работа была небезопасна, так как при качке корабль зарывался бортом в воду. Матросы, занятые этим, были опоясаны канатами, чтоб их не смыло, и едва только дело было доведено до конца, как сильный наклон, сопровождаемый тяжелым толчком волны, ударившей корабль по верхней части бортов, повалил фок-мачту через правый крамбал.

Вот каким образом «Черкес» потерял во время шторма все свои мачты.

IV. Течь

Корабль освободили от обломившейся фок-мачты; сильный ветер продолжался, но ярко засветило солнца «Черкес» снова был поставлен на фордевинд. Казалось, что всякая опасность теперь осталась позади, и матросы шутили и смеялись, работая над приготовлением фальшивых мачт, которые помогли бы им достигнуть назначенной гавани.

– Я бы и вовсе не горевал об этой безделице, – сказал боцман, – если бы не жаль было грот-мачты; какая она была красавица! Другого такого дерева не найти на всем побережье Миссисипи.

– Полно, земляк, – возразил Освальд, – хорошая рыба ловится, хорошая и разводится, хороший лес вырубают, хороший зато подрастет. Однако, я полагаю, придется нам дорого заплатить за наши деревья, когда доберемся до Ливерпуля; впрочем, это не наша забота – хозяйская.

Ветер, который во время своей внезапной перемены на юго-западный, дул с силой урагана, уменьшился теперь до степени просто крепкого ветра, встреча с которым для моряка – сущий пустяк; к тому же небо совсем очистилось и прояснилось, а с подветренной стороны не было опасности налететь на берег. Это была отрадная перемена после ночи мглы, опасности и сумятицы, и матросы усердно работали, чтобы можно было, поставив достаточное количество новых парусов, сделать корабль более стойким и направить его по курсу.

– Надо полагать, что теперь, когда мы поставим впереди трайсель, капитан велит поддать ходу, – заметил один, копошась возле юферса.

– Да и при таком ветре с тылу нам, пожалуй, не очень-то много нужно парусов, – ответил боцман.

– И то, хоть одна выгода от потери мачты – меньше хлопот со снастями.

– Не говори, Билл, – хлопот не оберешься, как приедем, – ворчливо возразил другой, – изволь-ка весь нижний такелаж обмотать смоленой парусиной да оклетневать, да каждый блок заново вогнуть на место.

– Не беда, зато дольше простоишь в порту – я «принайтовлюсь».

– Э, да когда же ты перестанешь найтоваться, Билл? У тебя и без того есть по одной жене на каждый штат, сколько я знаю.

– А в Ливерпуле нет еще ни одной, Джек.

– Так отчего тебе не взять вон ту, Билл? Ты неспроста ведь все эти три недели любезничаешь с негритянской девкой.

– Для шторма она туды-сюды, а на рейде не подойдет. Да суть-то в том, что ты совсем не туда попал, Джек, мне ведь мальчонки ее нравятся – любо мне видеть, как они висят оба у груди этих эфиопок; как посмотрю, так и вспоминается мне макака, кормящая двух своих щенков. Но вот штука-то в чем. Я могу распознать нянек, но никак не различу ребят. Разницы между ними не больше, чем между полудюжиной и шестеркой, так ведь Билл?

– Верно, они вроде как бы две новенькие пули, отлитые в одной и той же форме.

– А что, Билл, хоть одна из твоих баб принесла тебе когда-нибудь двойню?

– Нет, – да и не нужно, пока хозяева не удвоят нам жалованье.

– Кстати, – прервал их Освальд, который стоял под навесом одной из переборок, прислушиваясь к разговору, – следовало бы нам посмотреть, не набралось ли в корабль воды после всех этих толчков. Как я ни разу не подумал об этом! Плотник, отложи-ка свой струг да промерь лотом льяло.

Плотник, который несмотря на непрерывную качку лишенного мачт судна, усердно исполнял свою важную долю работы, тотчас повиновался. Он вытащил бечеву, которая вместе с привешенной к ней железной линейкой была опущена в льяло, и заметил, что с бечевы сте-

кают капли. Предположив, что она промокла от брызг той воды, которую зачерпнул корабль, плотник отвязал линейку, взял новую бечеву от троса, лежавшего на палубе, и принялся снова тщательно промерять льяло. Вытащив линейку, он несколько минут смотрел на нее, как пораженный громом, и, наконец, воскликнул:

– Семь футов воды в трюме, чтобы ей пусто было!

Если бы команду «Черкеса», которая вся в это время находилась на палубе, подвергнули удару электрического тока, то матросы не столь внезапно изменились бы в лице, как под действием этой ужасающей новости.

Взвалите на моряков любое бедствие, любую опасность, какую только можно выискать на море: ветер, борьбу стихий, встречу с врагом, – они будут против всего этого сражаться, проявляя отвагу, близкую к героизму. Лишь бы «между ними и смертью» была хоть одна прочная доска, больше им ничего не нужно, – они будут надеяться на свои собственные силы, будут полагаться на свое искусство. Но пусть откроется течь, – и они остановятся почти в оцепенении; и если течь не уменьшается, то они побеждены, потому что, когда они убедятся в бесплодности своих усилий, то становятся беспомощны, почти как дети.

Освальд, услышав донесение плотника, подскочил к помпам.

– Попробуй еще, Абель, этого быть не может. Отрежь прочь эту бечеву, подай сюда сухую!

Освальд сам на этот раз промерил льяло, но результат получился тот же.

– Надо братья за помпы, ребята, – сказал помощник капитана, стараясь не обнаружить своих собственных опасений. – Половина этой воды, очевидно, понахлынула, когда корабль лежал на боку.

Это предположение, столь похожее на правду, было подхвачено матросами, и они, не теряя времени, принялись исполнять приказ. Между тем, Освальд пошел вниз доложить капитану, который, будучи изнурен усталостью и долгим дежурством и полагая, что опасность миновала, решил отдохнуть несколько часов.

– Как вы думаете, Барес, не открылась ли у нас течь? – тревожно спросил капитан. – Ведь зачерпнуть столько воды невозможно.

– Конечно, сэр, – отвечал помощник, – но корабль столько раз напрягался, что у него могли образоваться трещины вдоль бортов в надводной части. Хотелось бы думать, что этим и ограничивается вся беда.

– Каково же тогда ваше мнение?

– Боюсь, что обломки мачт повредили судно: помните, сколько раз мы на них наталкивались, прежде чем нам удалось освободиться от них; один раз грот-мачта была даже как будто под самым килем, и мы крепко об нее ударились.

– Ну, Божья воля! Поспешим скорее на палубу.

Когда они вышли на палубу, плотник подошел к капитану и тихо сказал ему. «*Семь футов и три дюйма, сэр*». Помпы работали вовсю; люди, по указанию боцмана, разделились на смены и через каждые десять минут заступали в свою очередь. В течение получаса они качали воду без перерыва.

Полчаса длилась мучительная неизвестность. Самый важный вопрос был в том, открылась ли течь в надводной части бортов и набралась ли вода во время вторичного ветра; если так, то была надежда выкачать эту воду. Капитан Ингрэм, с часами в руках, и его помощник молча стояли возле шпилья, пока матросы, обнаженные до пояса, работали изо всех сил. Было десять минут восьмого, когда истек получасовой срок. Промерили льяло и тщательно измерили бечеву. – *Семь футов и шесть дюймов!* Значит, вода прибывала, несмотря на то, что они трудились над помпами из последних сил.

Взглядом немного отчаяния обменялись матросы, но тотчас же стали раздаваться проклятия и ругательства. Капитан Ингрэм молчал; губы его были крепко сжаты.

– Теперь нам конец! – воскликнул один из команды.

– Нет еще, ребята, есть еще одна надежда, – сказал Освальд. – Мне думается, что у корабля от этой адской ночной натуги надтреснули бока, и что теперь он вбирает воду вообще лишь в надводной части, а ежели так, то достаточно только опять поставить его по ветру и еще раз хорошенько взяться за помпы. Теперь вот он направлен боком против вола и, значит, опять натужился, а когда напряжение пройдет, швы сомкнутся.

– Я б не удивился, если б мистер Барес оказался прав, – заметил плотник, – во всяком случае, я думаю то же самое.

– И я, – добавил капитан Ингрэм, – берись, ребята! Нечего унывать, пока есть порох в пороховницах. Испробуем еще разок.

И, чтобы подбодрить людей, капитан Ингрэм скинул куртку и начал качать в первой же смене, между тем, как Освальд пошел к штурвалу и поставил корабль на фордевинд.

«Черкес», подгоняемый ветром, тяжело переваливался, и медленность, с которой он затем выпрямился, показывала, как много воды было в трюме. Матросы усердно работали без перерыва целый час, но когда опять промерили лотом льяло, то оказалось – *восемь футов!*

Матросы не заявили, что они отказываются больше качать воду, но намерения их были слишком ясны: каждый из них стал молча напяливать свою куртку, снятую в начале работы.

– Что теперь делать, Освальд? – спросил капитан Ингрэм, идя с помощником к корме. – Вы видите, люди не хотят больше качать, да это и не принесло бы никакой пользы. Мы обречены на гибель.

– Да, «Черкес» обречен, по-видимому, – ответил помощник. – Выкачиванием воды толку не добьешься, корабль не продержится и до рассвета. Значит, нам надо довериться нашим лодкам, которые, вероятно, достаточно крепки, и до наступления ночи покинуть судно.

– В переполненных лодках по этакому-то морю! – возразил капитан Ингрэм, горестно покачав головой.

– Согласен, что в них будет плохо, а все-таки лучше, чем в самом море. Все, что мы можем теперь сделать, – это постараться, чтобы люди не напились, и если нам это удастся, так это будет лучше, чем без пользы утомлять их. Им еще нужно побережь свои силы, покуда они не ступят на сушу, – если только судьба позволит это. Так я поговорю с ними?

– Хорошо, Освальд, – отвечал капитан. – Бог свидетель, о себе я не забочусь, но моя жена, дети!..

– Ребята, – начал Освальд, подойдя к матросам, которые с угрюмым безмолвием ждали исхода совещания, – качать дальше воду значило бы без всякого толку изнурять ваши силы. Нам надо теперь позаботиться о наших лодках; хорошая лодка ведь лучше, чем дырявый корабль. Однако сейчас лодки, пожалуй, не справились бы с таким ветром и с поперечным течением моря, поэтому мы должны как можно дольше оставаться на корабле. Возьмемся дружной за работу и приготовим лодки, снабдим их провиантом, водой и всем, чем нужно, а затем будем уповать на милость Бога и на наши старания.

– Какая же лодка справится с этим морем? – заметил один из матросов. – По-моему, если уж на то пошло, пусть будет короткое житье, зато и развеселое. Что скажете, ребята? – продолжал он, обращаясь к остальным.

Некоторые из команды согласились с этим мнением, но Освальд, выступив вперед, схватил топор, лежавший около основания грот-мачты, и, подойдя к сказавшему эти слова матросу, пристально посмотрел ему в глаза.

– Вильям, – произнес помощник капитана, – всем нам, быть может, предстоит короткое житье, только не развеселое. Я говорю эти слова не на ветер. Не хотелось бы мне обагрять руки твоей кровью или кровью других, но, клянусь небом, я до самых плеч разрублю голову первому, кто попытается вломиться в винный склад. Вы знаете, я никогда не шучу. Стыдитесь! Какие же вы мужчины, если ради маленькой выпивки готовы отказаться от единственной надежды

напиваться хоть каждый день, когда мы попадем снова на берег? Всеу свое время, и, по моему, именно теперь надо быть трезвым.

Так как большинство команды было на стороне Освальда, то остальные вынуждены были тоже подчиниться, и все занялись приготовлениями. Обе лодки на шлюп-балках оказались надежными. Часть команды принялась спиливать часть борта, чтобы можно было перетащить лодки, так как не было приспособления для спуска их на воду. Еще раз промерили льяло.

Девять футов воды в трюме, и корабль заметно оседал в воду. Прошло уже два часа и ветер стал не так свиреп, а море, которое при перемене ветра было таким взбаламученным, по-видимому, тоже восстановило свое правильное течение. Все было приготовлено. Матросы, лишь только занялись работой, до некоторой степени опять повеселели, и благоприятное для них легкое уменьшение ветра позволило им лелеять новые надежды. Обе лодки были достаточно велики, чтобы вместить всю команду и пассажиров, но матросы говорили друг другу (из этого видно, что у них было доброе сердце): «Что будет с теми двумя бедными ребятами в открытой лодке, где придется, может быть, провести дни и ночи?» Капитан Ингрэм сошел вниз, чтобы сообщить миссис Темпльмор о предстоящих им печальных испытаниях. И сердце матери, как и голос ее, повторило слова моряков: «Что будет теперь с моими бедными малютками?»

Было почти шесть часов вечера, когда все было готово; корабль медленно повернули опять по ветру, а лодки перетащили через борт. К этому времени ветер значительно уменьшился, но корабль был уже настолько затоплен водой, что все ожидали, что он скоро пойдет ко дну.

Никогда самообладание и решимость не бывают так нужны, как при обстоятельствах, которые мы пытаемся описать. Невозможно предугадать в точности минуту, когда залитый корабль среди бурного моря пойдет ко дну. Находящиеся на нем люди живут как в лихорадке, боясь остаться на нем так долго, что судно вдруг погрузится в воду, и им придется барахтаться в волнах. Это чувство не давало покоя многим из команды «Черкеса», и они уже столпились у лодок. Все распоряжения были отданы: Освальду была поручена одна лодка, а в другую, больших размеров, решено было поместить миссис Темпльмор и ее детей; второй лодкой командовал капитан Ингрэм. Когда все матросы, назначенные в лодку Освальда, разместились по местам, он отчалил и направил ее по ветру. Миссис Темпльмор подошла к капитану Ингрэму, который помог ей сесть в шлюпку. Кормилицу с одним из малюток удалось, наконец, посадить рядом с ней. Коко, между тем, подвел Джуди, другую кормилицу, несшую на руках второго мальчика. Капитан Ингрэм, которому пришлось войти в лодку с первым ребенком, только хотел вернуться, чтобы помочь Джуди перенести и второго малютку, как корабль вдруг тяжело качнулся с кормы на нос и зарылся боком в волну; в то же мгновение борт лодки оттолкнулся, ударившись о борт корабля. «Боже, он сейчас пойдет ко дну!» – закричали перепуганные матросы и поскорее отчалили, чтобы спастись от водоворота.

Капитан Ингрэм, который встал было на поперечную скамью, чтобы помочь Джуди, был сброшен на дно лодки, и прежде, чем он успел подняться на ноги, лодка отделилась от корабля и была отнесена к подветренной стороне.

– Мое дитя! – закричала мать, – мое дитя!

– Поворачивай назад, ребята! – воскликнул капитан Ингрэм, схватив румпель.

Матросы, перепугавшиеся было, когда им показалось, что корабль идет ко дну, убедились теперь, что он все еще не погружается, и налегли на весла, пытаясь вернуться, но тщетно: они не могли бороться против ветра и морского течения. Несмотря на все усилия их относило все дальше и дальше к наветренной стороне; между тем, обезумевшая мать простирала к ним руки, умоляя и упрасивая. Капитан Ингрэм, поощрявший матросов сколько было возможно, увидел, наконец, что дальнейшие попытки бесполезны.

– Мое дитя! Мое дитя! – кричала миссис Темпльмор, встав с места и протягивая руки к кораблю. По знаку капитана нос лодки был повернут по направлению ветра. Осиротевшая мать поняла тогда, что надежды больше нет, и упала, лишившись сознания.

V. Старая дева

В одно утро, вскоре после описанных нами бедствий, мистер Уизрингтон несколько раньше обычного спустился в столовую и увидел, что его обитое зеленым сафьяном вольтеровское кресло уже занято не кем иным, как самим Вильямом, лакеем, который, положив ноги на решетку камина, был так углублен в чтение газеты, что не заметил вошедшего барина.

– Клянусь моим предком! Надеюсь, что вы расположились с полным комфортом, мистер Вильям? Что вы, что вы, мне совестно вас тревожить.

Вильям, хоть и большой нахал, как большинство его собратьев, был все-таки немного сконфужен.

– Прошу извинения, сэр, но у мистера Джонатана на этот раз не было времени просмотреть газету.

– И нет в этом надобности, я не просил его об этом, любезный.

– Мистер Джонатан советует всегда просматривать списки *умерших*, чтобы какое-нибудь известие этого рода не потрясло вас, сэр.

– Какая заботливость, право!

– А тут как раз рассказывается, сэр, об одном кораблекрушении.

– О кораблекрушении? Где, Вильям? Боже мой! Где это?

– Я опасаюсь, сэр, что это тот самый корабль, о котором вы так тревожились – как его... забыл название, сэр.

Мистер Уизрингтон взял газету, и глаза его вскоре отыскали столбец, в котором было во всех подробностях описано спасение двух негров и ребенка с затонувшего «Черкеса».

– Конечно, тот самый и есть! – воскликнул мистер Уизрингтон. – Моя бедная Цецилия в открытой лодке!.. Одна из лодок затонула на глазах негров, – быть может, Цецилия погибла... Боже милостивый! Одного мальчика спасли. Сжался надо мной, Господи! Где Джонатан?

– Здесь, сэр, – необычайно торжественно ответил Джонатан, который только что принес яичницу, и теперь стоял за спиной барина навтыжку, в позе факельщика, потому что дело шло если не о смерти, то, по крайней мере, о смертельной опасности.

– Я еду в Портсмут сразу после завтрака... Впрочем, есть не стану... Аппетит пропал.

– Редко кто думает о еде при столь прискорбных обстоятельствах, – заметил Джонатан. – Угодно вам, сэр, поехать в вашей коляске или прикажете нанять траурную карету?

– Траурная карета и четверка лошадей цугом, когда надо ехать четырнадцать миль в час! Да вы бредите, Джонатан!

– Не прикажете ли достать шелкового крепу на шляпы и траурные перчатки для кучера и слуг, которые поедут с вами?

– Что за чепуху вы мне навязываете! Ведь тут воскрешение, а не смерть; по-видимому, негр полагает, что только одна лодка потонула.

– *Mors omnia vincit*, – изрек Джонатан, подняв к небу глаза.

– Вы это оставьте и займитесь лучше вашим делом. Вот постучал почтальон – посмотрите, нет ли писем.

Писем оказалось несколько; в числе других было письмо от капитана Максуэля, командира «Эвридики», излагавшее уже известные нам события и уведомлявшее мистера Уизрингтона, что негритянская чета с ребенком отправлена по его адресу на почтовых в тот же день, и что один из офицеров, едущий в столицу, взялся благополучно доставить их до самого дома.

Капитан Максуэль был старый знакомый мистера Уизрингтона. Не раз обедая у него, он встречал молодую чету Темпльморов, и поэтому объяснения негров были для него вполне достаточны, чтобы он мог сразу направить их, куда следовало.

– Клянусь кровью моих предков! Они будут здесь нынче вечером, – воскликнул мистер Уизрингтон, – и мне незачем ехать! А что нужно сделать? Скажите Мэри, чтобы приготовила место. Слышите, Вильям, – кровати для малютки и для двух негрятенок.

– Слушаю, сэр, – ответил Вильям. – Но куда прикажете поместить черномазых?

– Куда? А мне что за дело! Пусть одна спит с кухаркой, другая с Мэри.

– Отлично, сэр, я так и скажу им, – ответил Вильям, поспешив прочь и заранее восхищаясь суматохой, которая подымется на кухне.

– Виноват, сэр, – заметил Джонатан, – ведь один из негров – мужчина.

– Ну, так что же?

– Только то, что девушки могут не согласиться спать с ним в одной комнате, сэр.

– Клянусь всеми бедствиями Уизрингтонов! Ведь верно! Хорошо, вы можете взять его к себе, Джонатан, это ваш любимый цвет.

– Только не ночью, сэр, – возразил Джонатан с поклоном.

Ну, ладно, пусть они спят вдвоем... Вот вопрос и улажен.

– Они разве муж и жена, сэр? – осведомился дворец кий.

– Да черт их побери! Я-то почему знаю? Дайте мне сперва позавтракать, а об этом поговорим как-нибудь после.

Мистер Уизрингтон принялся за яичницу и паштет и, сам не зная почему, старался как можно скорее съесть свой завтрак. Объяснялось же это тем, что он был озадачен и сбит с толку предстоящим приездом новых людей, и ему необходимо было спокойно обдумать довольно трудную задачу, потому что для старого холостяка, такая задача была действительно трудна. Проглотив вторую чашку чая, он сейчас же уселся в свое кресло, принял удобную позу и начал рассуждать сам с собой.

– Клянусь кровью Уизрингтонов! Ну что я, старый холостяк, стану делать с грудным ребенком, с промокшей кормилицей, черной, как пиковый туз, и с другим черномазым болваном? Отошлю его назад! Пожалуй, это лучше всего! Но младенец... будет своими воплями будить постоянно часиков в пять утра... и не угодно ли целовать его не меньше трех раз в день... удовольствие!.. А потом эта кормилица-негрятенка... толстогубая... поминутно целовать ребенка, а потом подносить его ко мне... глупа, как корова... У ребенка заболит живот, а она напихает ему в глотку стручкового перца... американский способ... а у детей вечно болят животы... Моя бедная, бедная кузина!.. Что случилось с ней, да и с другим ребенком?.. Бог даст, ее спасут, бедняжку!.. Она тогда приедет и сама будет смотреть за своими детьми... Не знаю, что делать... все думаю, не послать ли за сестрой Могги... Но она всегда так копается... жди, пока приедет... Надо обдумать все снова...

Тут размышления мистера Уизрингтона были прерваны: кто-то два раза постучал в дверь.

– Войдите, – сказал он, и в дверях появилась кухарка, без обычного белого передника и с таким красным лицом, как будто она готовила обед на восемнадцать человек.

– Уж вы меня извините, сэр, – сказала она, делая реверанс, – а только будьте добры нанять себе другую кухарку.

– С большим удовольствием, – ответил мистер Уизрингтон, досадуя, что ему помешали.

– И, пожалуйста, сэр, я хочу уехать сегодня же. Как хотите, сэр, я не могу остаться.

– Пожалуйста, уходите хоть к черту, – сердито ответил мистер Уизрингтон, – но сначала уберите из комнаты и закройте за собой дверь.

Кухарка удалилась, и мистер Уизрингтон снова остался один.

Проклятая старуха что могло ее так взбудоражить?.. Не хочет готовить для черномазых, что ли?.. Ну да, конечно, это...

Но тут снова двойной стук в дверь потревожил мистера Уизрингтона.

– Ага! Видно, одумалась Войдите.

Вошла не кухарка, а горничная Мэри.

– Уж вы извините меня, сэр, – сказала она, всхлипывая, – а только я не могу больше у вас служить.

– Да что это, точно сговорились все! Хорошо, вы можете уходить.

– Пожалуйста, сэр, сегодня же вечером, – ответила она.

– Хоть сию же секунду! – яростно закричал мистер Уизрингтон.

Горничная удалилась, и только через некоторое время мистер Уизрингтон успокоился.

– Вся прислуга решила полететь к черту, – сказал он наконец. – Спесивое дурачье!.. Не хотят убирать комнаты за черномазыми, что ли?.. Ну да, конечно, это... Чтоб им всем пусто было, и черным, и белым!.. Вот все мое хозяйство уже полетело кувырком из-за приезда младенца. Право, это чрезвычайно противоречит комфорту... Но что я поделаю?.. Позвать сестру Могги? Нет, позову Джонатана.

Мистер Уизрингтон позвонил, и Джонатан вскоре явился.

– Что за кутерьма, Джонатан? – спросил он. – Кухарка злится... Мэри плачет... обе отказываются служить... Из-за чего все это вышло?

– Видите ли, сэр, Вильям сказал им, что по вашему решительному приказанию черномазые будут спать вместе с ними, а Мэри он, кажется, сказал, что негра положат именно к ней.

– Проклятый негодяй! Всегда-то он норовит устроить как-нибудь подвох! Вы ведь знаете, что я ничего подобного не имел в виду.

– Конечно, сэр, потому что это было бы вопреки обычаю, – ответил Джонатан.

– Отлично, так и скажите им, и нечего больше об этом толковать.

После этого мистер Уизрингтон начал советоваться с дворецким и согласился на все предложенные им меры.

Гости приехали своевременно и были устроены надлежащим образом. Маленький Эдуард вовсе не страдал желудком и не будил мистера Уизрингтона в пять часов утра. И в конце концов все устроилось не так уж некомфортно. Но хотя обстоятельства были и не так некомфортны, как опасался мистер Уизрингтон, однако они не были и вполне комфортны. Мистеру Уизрингтону так надоели вечные ссоры с прислугой, жалобы Джуди, обвинявшей на ломаном английском языке кухарку, которая, надо сказать, продолжала таить злобу на нее и на Коко, а также неожиданные недомогания младенца, et caetera, что он больше не находил в своем доме тишины и спокойствия.

Прошло уже почти три месяца, а о лодках не было получено никаких известий. Капитан Максуэль, навестив при случае мистера Уизрингтона, высказал ему свое решительное мнение, что обе шлюпки были потоплены ветром. И вот, так как нечего было уже надеяться, что миссис Темпльмор приедет сама смотреть за ребенком, мистер Уизрингтон решил, наконец, написать в Батс, где жила его сестра, и, познакомив ее со всеми обстоятельствами дела, просить ее, чтобы она приехала надзирать у него за хозяйством. Через несколько дней он получил следующий ответ:

«Батс – августа.

Мой дорогой брат Антоний,

Письмо твое пришло благополучно в прошлую среду, и я должна сказать, что содержание его меня сильно удивило. Я так много и неотвязно о нем думала, что сделала ренонс за партией в вист у леди Бетти Блебкин и проиграла четыре с половиной шиллинга. Ты говоришь, что у тебя в доме мальчик, сын той самой кузины, которая вышла замуж таким неблагопристойным образом. Хотелось бы верить, что ты говоришь правду, но в то же время я знаю, в чем бывают повинны холостяки. Впрочем, по мнению леди Бетти, никогда не надо говорить, хотя бы и намеком, об этих неприличных вещах. Я не понимаю, почему это мужчины, если они не женаты,

вовсе не считают себя обязанными соблюдать ту нравственную чистоту, которую так заботливо охраняют девушки; такое же мнение высказала и леди Бетти, с которой я немного поговорила по поводу твоего письма. Но раз дело сделано, его не исправишь, и мы обе решили, что самое лучшее будет замять эту историю, как сумеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.